

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА

Глава 1. Проблема человека в наследии А.Шопенгауэра

Кант и Шопенгауэр

О философско-антропологических взглядах Артура Шопенгауэра я уже писал в статье «Артур Шопенгауэр как философский антрополог»¹. В том материале я отметил, что в пантеоне философской антропологии имя Артура Шопенгауэра не числится. Парадоксально, но исследователи, которые вознамерились воссоздать историю философского постижения человека, в том числе М.Бубер, Э.Кассирер, М.Шелер, не останавливают свой взгляд на этом мыслителе. Наследие Шопенгауэра, если судить по западным и отечественным исследованиям, олицетворяет своеобразное отступление от философско-антропологической темы, уже заявленной просветителями, представителями немецкой классической философии (И.Кант, Г.В.Ф.Гегель) и Л.Фейербахом. Цель данной статьи – раскрыть преемственность идей в философской антропологии XVIII–XIX вв. и показать место Шопенгауэра в современной философской антропологии.

Философско-антропологические идеи Шопенгауэра обладают радикальной новизной. Именно они выражают коренное переосмысление проблемы человека по сравнению с её просветительскими толкованиями. После Шопенгауэра начинается интенсивное изучение различных аспектов человеческого бытия, человеческой природы, человеческих характеров. Говоря о бессознательном, немецкий философ предвзывает формирование психоаналитической концепции человека.

Однако нельзя не видеть прямой связи философско-антропологических взглядов Канта и Шопенгауэра. Кант, как известно, не только предложил создать философскую антропологию в качестве самостоятельной дисциплины. Он и в значительной степени содействовал созданию этой области постижения человека². Разумеется, при этом возникли определённые трудности, заставившие исследователей переосмыслить многие метафизические вопросы.

Кант пытался создать философскую систему и был при этом великим систематиком. Он решительно осуждал поверхностные систематизации, называя их агрегатами. Система требует метода, настаивал он. Контур целого должен при этом предшествовать частям. «Система философии возникла у Канта лишь после того, как он обнаружил между природой и свободой своеобразный “третий мир” – мир красоты»³. Кант задавался вопросом: «Каково истинное предназначение человека?» Такова мысль философа, вытекающая из его фрагмента «Характер человеческого рода».

Кант создал рационалистический вариант философской антропологии. «Тем не менее, метод философии всегда может быть систематическим»⁴. Это означает, что философская антропология Канта имеет собственную логику. Она отвечает на вопрос, что такое человек, в чём выражается человеческая природа, что позволяет расширить представление о человеке за счёт разнообразной типологической работы, в ходе которой исследуются склонности, нравы, традиции и т. д. Почти все идеи Канта в последующем получили развитие в философской антропологии.

Важно подчеркнуть, что именно А.Шопенгауэр поддерживает кантовскую идею развития философской антропологии. Он полагает, что она должна делиться на три части:

- 1) описание внешнего, или объективного человека, т. е. организма;
- 2) описание внутреннего, или субъективного человека, т. е. сознания, сопровождающего этот организм;
- 3) указание определённых отношений между сознанием и организмом, т. е. между внешним и внутренним человеком (последнее обработать по Кабанису)⁵.

Что же привлекло немецкого философа в творчестве известного французского мыслителя Пьера Кабаниса? Тот, как известно, исследовал отношения, которые складываются между физической организацией человека и его умственными и нравственными спо-

собностями. В своём главном философском труде «Отношение между физической и нравственной природой человека» (1802; рус. пер. 1865–1866) Кабанис утверждал, что человек, его поведение и мысль обусловлены биологическими факторами. Он показывал физиологическое происхождение психической жизни личности, доказывая вместе с тем и обратное влияние психики на физиологию человека.

Разумеется, Шопенгауэр не предполагал воспроизводить взгляды французского философа. Речь шла лишь о том, чтобы «обработать» по-своему проблему соотношения между внутренним и внешним человеком. И снова можно указать на сходные попытки Канта осветить эту тему через психологию, которая в те времена властно заявляла о себе. Шопенгауэр считал, что обусловленность человеческого сознания и психики организмом индивида можно объяснить с помощью философских размышлений. Но ему представлялась нелишней попытка привлечь знания, накопленные в области психологии. «Истинная физиология, – писал Шопенгауэр, – достигнув своей вершины, показывает, что духовное начало в человеке (познание) является продуктом его физического начала, и это лучше всех сделал Кабанис...»⁶.

Показывая влияние физиологии на сознание человека, Шопенгауэр тем не менее понимает, что эта зависимость, подтвержденная эволюцией, непременно затрагивает и психические процессы. С этой проблемой сталкивался уже Кант. Он пытался понять, насколько правомочна психология, которая ставит целью раскрыть суть этих процессов. Кант писал: «Рациональная психология в вопросе о нашем вечном существовании вообще не есть теоретическая наука, она основана на единственном заключении моральной телеологии и вообще всё её применение необходимо только моральной телеологии в связи с вопросом о нашем практическом назначении»⁷.

Кант имеет в виду, что проникнуть в мир человеческих чувствований невозможно. Мир наших внутренних переживаний сокрыт. Но как можно обеспечить экспертизу интимного мира человека, если наши сокровенные переживания уникальны? Для того чтобы называться наукой, психология должна войти в этот поток психических состояний и научиться их классифицировать, сопоставлять, анализировать. А это, по мнению Канта, как раз и невоз-

можно. Шопенгауэр же считает, что раскрыть суть наглядного созерцания и мышления можно через физиологию. А вот объяснить человеческую волю невозможно. Её нельзя распознать на основании физических параметров человеческого организма, и именно поэтому она является главной при изучении человека.

Кант полагал, что психология никогда не станет наукой. Он писал: «Психология для человеческого ума не представляет собой ничего более, да и не может стать ничем, кроме антропологии, т. е. познания человека, ограниченного условием знакомства с собой как предметом внутреннего чувства. Но человек также сознаёт себя как предмет своих внешних чувств, т. е. он имеет тело; связанный с телом предмет внутреннего чувства называется душой человека»⁸.

Психология есть антропология внутреннего чувства. Иначе говоря, Кант рассуждает о том, чтобы на основе общих знаний о человеке воссоздать его интроспективный, скрытый мир чувствований. Психологии трудно, считает Кант, объяснить те или иные феномены человеческого поведения. Он пишет: «Так, моралисты требуют от психологов объяснить им странное явление скупости, которая видит в одном лишь обладании средствами для жизни в довольствие (или для любой другой цели) абсолютную ценность, имея, однако, намерение никогда ими не пользоваться; или честолюбия, которое находит эти средства в одной лишь славе без какой-либо дальнейшей цели, (объяснить им это явление для того), чтобы они могли сообразовывать свои предписания не с самими нравственными законами, а с устранением препятствий, противодействующих влиянию этих законов»⁹.

Итак, психологи должны, по Канту, дать реальные критерии для морального поведения. Однако это трудно. «При этом, однако, надо признать, – пишет далее Кант, – что с психологическими объяснениями, если сравнивать их с физическими, дело обстоит очень плохо; что они сплошь гипотетические и к трём различным основаниям объяснения очень легко можно придумать четвёртое, столь же иллюзорное, и что поэтому множество подобного рода мнимых психологов, которые умеют находить причины для каждой душевной аффектации или душевного волнения, пробуждаемого спектаклями, поэтическими представлениями и предметами природы, и называют это своё остроумие философией, предназначенной для

научного объяснения обыкновеннейших явлений природы в телесном мире, – эти психологи не обнаруживают не только никакого знания, но, вероятно, даже и способности к нему. Но это мнимая психология»¹⁰.

Кант полагал, что в русле этой дисциплины можно раскрывать человеческое содержание внутреннего мира людей, их чувств. Чем должна стать психология? Она должна собирать материал для будущих, подлежащих объединению в систему эмпирических правил, не желая, однако, понять эти правила, – такова, вероятно, единственная истинная обязанность эмпирической психологии, которая вряд ли сможет когда-либо притязать на звание философской науки¹¹.

Словом, Кант весьма скептически оценивает возможности психологии. С с его мнением перекликается и мысль Шопенгауэра: «*Психология* как самостоятельная наука едва ли возможна; ибо явления мышления и воли нельзя основательно исследовать, не принимая в то же время во внимание действия физических причин в организме; поэтому психология предполагает физиологию, а физиология – анатомию; иначе психология остаётся в высшей степени поверхностной. Поэтому нужно преподавать не *психологию*, но *антропологию*; последняя же охватывает те две, вне связи с антропологией – медицинские науки и получают благодаря этому несравненно большую область»¹².

Замечания Шопенгауэра оправданны. Действительно, в конце XIX в. психология получила мощную поддержку со стороны физиологии. С этого времени, вопреки Канту и Шопенгауэру, психология конституировалась как самостоятельная наука. Классики просчитались сразу по двум позициям. В XIX в. психология окончательно утвердилась как научная дисциплина. К тому же она оказалась безумно интересной.

Антропологический переворот

Почему можно считать Шопенгауэра родоначальником философской антропологии в её современном варианте? Дело в том, что он решительно отказывается от просветительского образа человека, который строился на культе разумности, вменяемости и

своеобразной духовности. Никто до Шопенгауэра не уделял такого внимания изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной степени определяющих человеческое поведение.

Начиная с XIX в., развернулась разносторонняя критика разума, которая в специфической форме продолжается и по сию пору. Какие приводятся доводы, заставляющие с опаской отнестись к тому факту, что у человека есть сознание? Разум дал человеку свободу, непредсказуемость, мудрость. И он же выбросил человека из животного царства. Человек оказался изолированным, одиноким. Между ним и остальной природой разверзлась бездна. Человек всё дальше и дальше уходит от собственного животного естества. Он создал культуру, которая приглушила в нём голос инстинкта. Теперь в своём поведении люди руководствуются не тем, что подсказывает природа, а искусственными ориентирами.

Кое-кто скажет: прекрасно, остальная природа нам не указ. Мы в ней особенные. Однако действительно ли это хорошо для человека? Ведь он, как ни крути, природное творение. Ему надо жить в согласии с натурой. Стало быть, разум – это не благо, а проклятие. К такому выводу пришёл в XIX в. А.Шопенгауэр. Всё, чем мы гордимся, рассуждал философ, – наше мышление, культура, общество – всё это стремительное убегание от основ жизни. Нам кажется, что мы стали властителями природы, но на самом деле мы её заложники. Человек попал в тупик, из которого невозможно выбраться. Он пошёл по дороге, которая ведёт в никуда. Разум – враг природы, её антипод, т. е. противник.

Анализируя человеческую субъективность, философские антропологи издавна указывали на разум, чувства и волю человека. Понятие воли было изначально введено для объяснения побуждения таких действий, которые рождаются по личным решениям человека, но не отвечают его желаниям. Затем оно стало использоваться для объяснения свободного выбора человека, когда возникает конфликт между его желаниями. В этом значении понятие воли соотносят с *личностью*, которая обладает склонностью к выбору, к борьбе мотивов. Воля сознательна, в ней выражаются такие качества человека, как настойчивость, решительность, выдержка, смелость. В русском языке воля иногда ассоциируется с такими феноменами, как вседозволенность, *свобода*.

А.Шопенгауэр придал этому понятию более широкое значение. Воля не зависит ни от каких установлений: она неизменна, тождественна самой себе, свободна в своих проявлениях, сама утверждает или отрицает себя. Человек – прежде всего существо водящее, а уже потом познающее, мыслящее. Такое воззрение, по мнению А.Шопенгауэра, творит особую *нравственность*, которая порождает героев и святых.

Понятие воли предстаёт в рассуждениях А.Шопенгауэра не в житейском смысле. Она трактуется не в психологическом, а в бытийственном смысле. Немецкий философ утверждал, что в основе всего, что нас окружает, лежит некое беспредельное и вездесущее начало – Воля.

Такого понимания в прежней *философии* не было. Предполагалось, что косная *природа* не обладает волевым качеством, поскольку она – немыслящая *материя*, а побуждение, порыв – это исключительные свойства сознательной личности.

Феномены всеобщей воли последовательно развёртывают себя во времени. Они обнаруживают себя закономерно, в постоянных преобразованиях, в соответствии с теми неизменяющимися формами, которые Платон назвал Идеями. Так рождается вереница перевоплощений от элементарных существ до высших. Каждая ступень волевого феномена отстаивает своё право, что и порождает борьбу за существование.

Воля – это неизменное вожеление бытия. Пока она существует, сохраняется и Вселенная. Шопенгауэр наделяет её тремя главными свойствами: тождественностью, неизменностью и свободой. Хотя она, как уже отмечалось, вездесуща, наиболее отчётливо, по Шопенгауэру, она проявляется в человеке и человеческом сознании. «Человек становится той осью, вокруг которой вращается макро- и микрокосмос, причём ценностные характеристики последнего опять-таки определяются путём соотношения с человеком, а именно: добро ли это для него или зло»¹³.

Но много ли можно сказать о воле, если наблюдать, скажем, за скалой? Что ни говори, а в человеке она обнаруживается с большей неповторимостью и конкретностью. Именно воля определяет сознание человека, а не наоборот. Более того, если задуматься над человеческой природой, над тем, что есть сущность человека, то, пожалуй, можно назвать волю. Она как ничто иное предельно

раскрывает существо человека. «На каждой ступени, освещённой познанием, воля является как индивид. В бесконечном пространстве и времени человеческий индивид находит себя конечной и, следовательно, в сравнении с ними ничтожной величиной, заброшенной в них; вследствие их неограниченности он обладает лишь относительным, никогда не абсолютным *когда* и *где* бытия, ибо его место и век – конечные части бесконечного и безграничного. Его подлинное бытие – только в настоящем, неудержимый бег которого в прошедшее есть постоянный переход к смерти, постоянное умирание...»¹⁴.

Итак, у Шопенгауэра воля выражает не столько внутреннее состояние человека, сколько определяет онтологические основы бытия. Хотя она и вездесуща, но наиболее отчётливо проявляется в человеке и в человеческом сознании. Человек становится стержнем, осью всего, что есть во Вселенной. Воля – это сила, благодаря которой появляются существа, живущие в пространстве и времени. Воля есть то, что ещё не свершилось, но уже стремится к существованию, становится бытием, реализуется во множества разных воплощений. Сама она, по словам Шопенгауэра, не подчинена законам пространства и времени и не может быть познана. Но её реальные обнаружения интеллект способен воспринимать.

Воля первична по отношению к интеллекту. Она – госпожа, а он – её орудие. Интеллект можно сравнить с фонарём, который освещает воле путь, но сам его не прокладывает. Воля слепа и нуждается в поводыре, который сам по себе бессилён сделать хоть один шаг. Отношение воли к интеллекту можно сравнить со слепым, несущим хромого на своих плечах. Попробуем пояснить мысль Шопенгауэра более основательно. Постараемся уяснить, что же было ненавистно ему в сложившихся в ту пору размышлениях о человеческой природе. Как бывает в жизни? Разум вырабатывает некие нравственные нормы, которым человек неукоснительно следует в конкретных жизненных ситуациях. Этот человек знает только одну страсть: соотнести свой выбор с готовым решением, с уже выработанной установкой. Но всегда ли поступки такого человека будут нравственными?

Разум в человеке, согласно Шопенгауэру, это продукт воли. Он погибает вместе с индивидом, но воля при этом не утрачивается, не разрушается. Она вообще не подвержена никаким изменениям.

Поэтому она тождественна сама себе, т. е. в равной мере обнаруживается и у клеща, и у человека. Воля в качестве внутренней сущности человека неустанно проявляет себя в нём как импульс к жизни, постоянное универсальное стремление к бытийности, желание жить во что бы то ни стало. Воля и есть источник всех стремлений и желаний человека. Он делает только то, чего вожделеет воля.

Разум находится у воли в крепостнической неволе, в услужении. Но порою он выходит за те пределы, которые ему поставлены, освобождается от подчинённой роли. Так интеллект возвышается до статуса гения, который созерцает мир чисто объективным способом. Все свои доводы Шопенгауэр черпает из суверенного опыта человека. Правда, он постоянно цитирует других философов. Но приводимые афоризмы не претендуют на окончательное прояснение проблемы. Они выражают не столько умопостигаемую истину, сколько лаконичное, образное обозначение чувствований человека, некое отрезвление мысли, возникшее в связи с уникальными проявлениями ума и души, особостью человека.

Воля, воля к жизни как таковая, по Шопенгауэру, бесцельна, «раздвоена в самой себе» и представляет собой «бесконечное стремление», а мир как воля – «вечное становление, бесконечный поток». В потоке вечного становления ничто не находит своего полного, непротиворечивого осуществления; человек как наивысшая объективация воли не выражает её идеи (сущности) полностью. И он подвластен бесконечным поискам, тоске и страданиям постоянно «голодной воли». Мир как продукт воли к жизни, природный мир слепого и необходимого действия сил, инстинктов и мотивов не может быть оценён иначе как безнадёжный с точки зрения главного человеческого интереса – свободы; но и в этом бессмысленном потоке есть удивительные моменты остановки, моменты того, когда нам виден свет «с другого берега».

Развенчание человека

Шопенгауэр объявил войну рационалистической традиции. Разве Европа после войн Наполеона являла доказательство тому, что в истории правит разум? Почему миллионы людей находят-ся во власти пессимизма, печали, меланхолии и нет убедительных

манифестаций диктата сознания? Шопенгауэр отталкивался от идей Канта и от европейского романтизма, в котором был раскрыт неизмеримый потенциал творческой фантазии. Философ воспринимался как гений, пророк и учитель. Шопенгауэр испытал также огромное влияние восточной философии. В религиях Востока он разглядел иные истоки жизни, нежели в наследии Гегеля. Именно в буддизме он почерпнул главную мысль, что сущность мира есть слепая и бессмысленная воля и что всякое бытие по существу своему есть страдание.

Европейскому рационализму он противопоставил иррационализм, т. е. торжество слепой веры, жизненных побуждений, культ абсурда. Всё это стало платформой для дальнейшего развития философии жизни. Новая философия обратилась к жизни как первичной реальности, целостному органическому процессу, который вообще предшествует разделению мира и духа, бытия и сознания. Вот почему в работах Шопенгауэра впервые в европейской философии уделяется внимание не разуму, а воле.

Постепенно идеальный образ человека в истории философии и психологии стал размываться. По мнению одного из самых выдающихся историков художественной практики Х.Зедльмайра, «умаление человека впервые приобрело вопиющие формы сначала в искусстве, хотя в более или менее скрытом виде оно проявляется и в других формах, связанных с иными областями. Наиболее ужасающие умаления человека явились в XX в., и конец им, видимо, ещё не наступил. Но в своих отдельных впечатляющих формах данный подход действует уже издавна»¹⁵. Чем же вызвано разочарование в человеке? Было бы наивно приписывать эту тенденцию безответственным художникам и писателям. Появление художественных стилей (авангарда, сюрреализма) не было случайным событием. «Отрицание человеческого образа», по мнению Н.А.Бердяева, результат не только особой исторической практики прошлого столетия, но и многих научных открытий, связанных прямо или косвенно с этой практикой. В революциях, отмечал он, льётся кровь, но ещё больше крови льётся в войнах. Именно война раскрепощает низшие инстинкты человека: жестокость, кровожадность, насилие, грабёж, растление, волю к могуществу. «Человек есть большое существо, – писал Н.А.Бердяев, – и потому самые большие психологические открытия сделала психопатология. Он легко склоняется

то к мании преследования, то к мании величия. Обе мании так связаны между собой, что человек, одержимый манией преследования, легко начинает преследовать других»¹⁶.

С появлением психоанализа открылась реальная возможность для более глубокого постижения человека. Никто до Фрейда, кроме Шопенгауэра, не пытался так разносторонне раскрыть негативные стороны человеческой природы, выявить её дефекты и свойственные ей разрушительные силы. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике, само существование которого отрицалось рационалистами, но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определённым законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Фрейд в числе первых уже в 1914 г. вскрыл поразительное «крушение иллюзий», отрицание всех ограничений, которым подчиняются в мирное время. «Слепое бешенство», гнездящееся в подсознании наших цивилизаций, отметил он, опрокидывает всё, что встаёт на его пути, будто после него нет ни будущего, ни мира.

Самое ценное в человеке – его потенциал. Однако человек – не только творец. Он и разрушитель. Ж.Батай, обращаясь к опыту прошлого века, обнаруживает противоречивость человеческой природы. Если взять крайности, существование в основе своей всегда благопристойно и упорядоченно: труд, забота о детях, благожелательность и лояльность определяют взаимоотношения людей; с другой стороны, мы имеем разгул безжалостного насилия; в определённых условиях те же самые люди начинают грабить, поджигать, убивать, насиловать и подвергать своих собратьев пыткам. Это относится не только к отдельному человеку, но и к социальным группам, народам: одни и те же народы и чаще всего одни и те же люди ведут себя то как варвары, то как цивилизованные существа.

Исследовав социальную практику фашизма, Ж.Батай задаётся вопросом: не несёт ли человек в своей душе непреодолимое стремление к отрицанию всего того, что под названием разума, пользы и порядка положило в основу своего существования человечество? Не является ли, другими словами, бытие с необходимостью одновременно утверждением и отрицанием своего существования?

Батай склонен полагать, что садизм является не отклонением от человеческой природы, а её врождённым свойством. Каждый человек, пусть в изначальном, дремлющем состоянии, но заражен

сализмом. Но как оценивать это обнаружение человеческой природы? Возможно, это некий атавизм, нарост, который некогда выполнял определённую функцию, стал ненужным, и стоит только пожелать – и его можно удалить. Но есть и другое предположение. Разрушительность – неотъемлемая часть человека, его «сердцевина». Трудно представить, что верно первое предположение, которое позволило бы человеку построить мир без войн и насилия. Но и вторая версия возможна. Здесь приобретает актуальность подавление этой бесчеловечной практики – важнейшая задача современного человека.

В итоге своих размышлений Ж.Батай вынужден был предположить:

1) наличие в людях непреодолимой тяги к разрушению и фундаментальное допущение истинного и неизбежного стремления к уничтожению всего рождающегося, растущего и стремящегося к жизни;

2) сакральную самоцельность этого стремления;

3) известную неизбежность этого импульса, которая позволяет обновлять жизнь, не даёт человечеству окончательно захиреть;

4) возможность нейтрализации этой деструктивности. Важно прийти к самосознанию и ограничить сферу действия пагубных средств.

«Анатомия человеческой разрушительности», пожалуй, самая лучшая работа Эриха Фромма. В ней обобщены многочисленные попытки исследователя дать целостное представление о реформированном психоанализе, о специфике философско-антропологической рефлексии. Книга имеет энциклопедический характер: автор раскрывает широчайшую панораму биологических, психологических, антропологических учений. В ней изложены открытия, которые, как представляется, ещё не получили должного признания в европейской науке. Разрушительное в человеке философски переосмыслено Фроммом как проблема зла в индивидуе, в социуме, в истории, в жизни человеческого рода.